

А. Н. КРЫЛОВ

К вопросу о кризисе идентичностей

Понятие «кризис идентичности» тесно связано с работами Э. Эриксона, согласно которому индивид на протяжении жизни преодолевает ряд психосоциальных кризисов. Данные кризисы соответствуют выделенным Э. Эриксоном восьми стадиям развития идентичности, на пороге которых индивид стоит перед задачей выбора между альтернативными решениями возрастных и ситуативных проблем, что, в конечном счете, оказывает влияние на развитие последующей жизни. Однако сам Э. Эриксон говорит о том, что это понятие кризиса идентичности можно применять шире: «О кризисе можно говорить во многих случаях: в процессе развития индивида или появления новой элиты, в процессе лечения индивида или в период тяжелых и острых исторических перемен»¹.

Со второй половины XX столетия понятие кризиса идентичности употребляется разными авторами, приверженцами разных научных школ и разных научных направлений в самом широком контексте. Так или иначе, речь каждый раз идет о проблемах, связанных с идентичностью чело-

века, группы, сообщества. Э. Эриксон отмечает, что «кризис больше не вызывает в представлении неминуемую катастрофу, что в свое время затрудняло его понимание. Кризис теперь понимается как неизбежный поворотный пункт, критический момент, после которого развитие повернет в ту или иную сторону, используя возможности роста, способность к выздоровлению и дальнейшей дифференциации»².

Существенные, сопоставимые с кризисными, изменения, происходящие в настоящее время в экономической, политической, информационной и правовой жизни обществ, определяемые как глобализация, сказываются в свою очередь и на культуре, науке, искусстве, в частности, социальной и приватной сфере жизни человека в целом. Глобализация сегодня является одной из наиболее активно исследуемых тем не только в экономических, но и в гуманитарных науках. В то же время, целый ряд обусловленных глобализацией социальных явлений не получил в научной литературе должного освещения. В частности, по мнению А. И. Шен-

дрика, за рамками исследовательского интереса отечественных и зарубежных ученых осталась тема преемственности культурных ценностей в условиях нарастающей унификации культурных миров³. Проблема преемственности культурных ценностей современного человека, часто вместе с индивидуализацией и другими аспектами влияния глобализации на идентичность человека формулируется в контексте присущих современному обществу кризисных явлений. Э. Эриксон отмечал, что идентичность индивида основывается на ее двух одновременных наблюдениях: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве, на основании того факта, что тождество и непрерывность признаются окружающими⁴. Именно эти два аспекта: тождество самому себе и осознание своего тождества на фоне времени и пространства претерпевают в условиях глобализации существенные изменения. В интенсивно меняющемся и глобализирующемся обществе человеку становится все сложнее соотносить свой образ мира в рамках нации, государства, этноса, религии с образом общества реально существующего.

Согласно А. В. Толстых, когда серьезные аналитики пишут о кризисе ценностей целых поколений, о потере нравственности и прочих ориентиров для масс и отдельных личностей, то лучше было бы назвать это кризисом идентичности, посоветовать, что для множества людей эта идентичность замутнена и заменена смешением авторитетов, низвержение которых приводит личность к саморазрушению. В терминах Эриксона можно было бы выразиться и обсудить расползание в нашем обществе «массовой патологии идентичности», а именно такого неприятного психосоциального синдрома, который характеризуется массовой неудовлетворенностью людей, сопровождаемой чувствами тревоги, страха, изоляции, опустошенности, утратой способности к эмоциональному общению с другими людьми⁵.

Одним из внутренних конфликтов человека, предопределенных глобализацией, явля-

ется амбивалентное отношение к вопросу личной свободы, принадлежности к определенной социальной группе или сообществу. Высокая степень индивидуализации, присущая современному западному обществу, характеризующаяся личной независимостью, и во многом даже, одиночеством, создает внутренний конфликт, основанный на переплетении характерных для этого общества сетей взаимозависимостей и опять же характерного чувства независимости. Этому соответствует амбивалентное отношение к групповой идентичности: с одной стороны желание быть признанным, быть своим, с другой — стремление к свободе, в том числе свободе от обязательств, от установленных обществом норм и стереотипов поведения, от самого общества.

Как правило, в интервью с преступниками в сообщениях об асоциальных поступках в числе виновных в таком определенном асоциальном действии называется общество. Общество мешает индивиду выразить и осуществить то, чем, по мнению самого индивида, он является; оно принуждает его действовать по своим законам и правилам. Так общество становится неким одушевленным лицом, выступает в роли определенного властителя, авторитарного отца, который во всем отказывает своему сыну, заставляет его скрывать в себе свои человеческие черты, характер, способности. Не только в средствах массовой информации, но и в научной литературе общество время от времени представлено в виде некоего субъекта, который мешает свободному человеку жить своей собственной жизнью.

В процессе глобализации и информатизации человек не просто приобретает больше видимой свободы выбора, он все более осознает свою собственную индивидуальность. Так с ростом дифференциации и индивидуализации у современного человека все больше формируется потребность выделиться из общей массы, отличиться от других. Индивидуальность становится модой и идеалом современного западного человека. Общество культивирует идеал такой личности, кото-

рая смогла бы приподняться над уровнем других, достичь определенных целей за счет использования собственных знаний, пониманий, умений, качеств. Этот идеал индивидуализма в современном западном обществе не является предметом альтернативного выбора на основе свободного решения разума, сердца или совести. Идеал индивидуализма формируется в современном западном человеке в процессе его социализации и присущ ему настолько сильно, что человек не в силах освободиться от такого внутреннего индивидуализма независимо от того, разделяет ли он индивидуалистические ценности своего общества или нет. Это стремление к карьере, творческому и другому самовыражению, а также способность и потребность в суверенности, как от общества в целом, так и от своих близких в частности. Успешной признается та личность, которая независима от родителей, семьи, детей, руководства, церкви; та, которая вольна и способна действовать исходя из собственных сил и интересов.

Так противоречие зависимости (взаимозависимости) и независимости, необходимости и возможности отражает проблему личной ответственности. По словам Федерального президента Швейцарии Паскаля Кушпэ на открытии 33 Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2003 г. «индивидуализация общества сделала многих людей свободными, однако превратила их в безответственных индивидуумов». Именно поэтому, согласно П. Кушпэ, государства, экономика и общество должны обращать серьезное внимание на моральные ценности. Экономика должна стремиться не только к сиюминутной максимизации своих прибылей, но и должна принять участие в оптимальном, гармоничном развитии человеческой личности, заявил Кушпэ. Не менее важно достижение социальной справедливости и социальной уверенности людей в завтрашнем дне⁶.

Поднимая вопрос об идентификационных проблемах в условиях индивидуализации и глобализации необходимо отметить, что ответственность за формирование своей идентичности в глобализованном общест-

ве все больше лежит не на самом индивиде, а на его окружении; формирование собственной идентичности становится основой самопонимания в проекции времени и ощущений, осуществленное через внутреннюю рефлексию. Когнитивная конструкция идентичности складывается в процессе обработки индивидом побочных явлений социальной модернизации, потому и идентичность исследуется чаще как проблема, а не как решение определенных социальных или личностных проблем. Идентичность выражает самость индивида, обеспечивает его ориентирование и взаимодействие в различных ситуациях и позволяет как определить место человека в обществе, так и дифференцировать в нем его место. В этом можно прочесть основные условия развития ментальности индивидуализма. Формирование идентичности отдельного человека становится все более единичной задачей отдельной персоны, осложняется саморефлексивностью и самоответственностью.

Индивидуализация общества на фоне его мультикультурности, многообразия, полипардигмальности ставит под вопрос одну из составляющих идентичности, определенную Гегелем как «бытие в признании» (*Anerkannensein*), построенное на общих ценностях и общих интересах. В принципе, отношения по поводу принадлежности к определенной группе в глобализирующемся обществе становятся все более лояльными, а личностная независимость от них постоянно растет. Стратовая дифференциация средневекового общества, в котором человек был вплетен в устойчивую стратовую систему и прочно идентифицировался по месту жительства, роду деятельности, религиозной принадлежности дает основание сформулировать понятие традиционных идентичностей, то есть вариантов социальной и индивидуальной идентичности, основанной на принципах традиционного общества. На основе такой идентичности формировались представления о своем-чужом, о внешнем мире, представления о вере, экзистенциальные представления. В процессе модернизации такие

координаты идентификации значительно изменились и продолжают меняться.

Когда формулируются и анализируются отдельные проблемы той или иной традиционной идентичности, приводятся примеры изменения в осознании групповой принадлежности к своей семье, к месту жительства (деревням, поселкам и городам), национальной и государственной принадлежности, принадлежности к определенной половой, профессиональной или религиозной группе, речь идет лишь о некоторой выборке. Одни из приведенных идентичностей носят для некой персоны более важный, другие менее важный характер. Психологическая значимость, личная привязанность и самосознание себя в контексте определенной группы или института могут меняться в соответствии с обстоятельствами.

В данном случае речь идет о наиболее стабильных формах идентичности, дающими возможность идентифицировать себя с такими достаточно устойчивыми группами и институтами как этнос, семья, пол, религия и др.

Гендерная, сексуальная, фамильная идентичности и сегодня играют важную роль, хотя эта роль также ослабевает и видоизменяется. На ранних этапах развития человеческого общества отношение человека к семье было предопределено абсолютной неизбежностью. Семья определяла выживание индивида, оставалась с ним в особо трудные периоды жизни. Прочность семьи и брака была связана как со сложившейся общественной моралью, так и с многочисленными функциями, которые семья выполняла в соответствующих обстоятельствах. В современном западном обществе семья продолжает выполнять важные социальные функции, однако она более не является необходимым условием выживания индивида. В плане физического выживания семья остается важной для маленького ребенка, хотя и в этом случае ее функция может быть замещена государственными и социальными институтами. Таким образом, связи отдельного индивида с семьей стали менее стабильными, что сказывается и на идентичности. Самоидентификация че-

ловека как члена семьи, носителя определенной семейной роли (в первую очередь мать или отец, а потом уже все остальное) имеет для представителя современного западного общества все меньшее значение. Общество предлагает другие многочисленные варианты самоидентификации, находящиеся в непосредственной связи с саморазвитием и общественным признанием. В структуре самой семьи в последние десятилетия также произошли значительные изменения. Эти изменения связаны в первую очередь с изменениями гендерной культуры и гендерных стереотипов.

Кризисные явления гендерной идентичности выражены в рассогласовании ее внешних характеристик, обусловленных значительной трансформацией гендерных стереотипов и появлением новых гендерных эталонов. Данное положение хорошо проиллюстрировано в работах, рассматривающих вопросы сексуальности и общества не с точки зрения сексуальной практики, а с точки зрения гендерных ролей. В этом контексте обретение гендерной идентичности представляет собой процесс освоения индивидом исторически сложившихся образцов поведения, классифицирующихся как мужественные или женственные. Традиционно такие образцы поведения передавала семья, сегодня наряду с семьей эту роль выполняют средства массовой информации, кино, интернет, игры, реклама. Кроме того, индустрия моды, изменения сложившихся веками представлений о гендерной телесности плюс современные социальные и экономические условия позволяют менять гендерные роли. Как в средствах массовой коммуникации, так и в реальной жизни, современный человек повсеместно встречает примеры нового гендерного поведения. Женщина теперь не обязательно является хранительницей очага, а мужчина не обязательно выполняет роль добытчика и защитника. Иногда мужчина и женщина обмениваются традиционными ролями, но чаще эти роли растворяются в роли противоположного пола. Внешние характеристики меняющейся гендерной

идентичности находятся в прямой взаимосвязи с изменением внутренних характеристик, а именно — с трансформацией гендерной самооценки, гендерных представлений, способов и структур поведения. Устойчивые гендерные представления на протяжении веков являлись основой гендерной идентичности, а сегодня они все чаще выступают причиной ролевых конфликтов, проблем раздвоенной идентичности, повышенной тревожности, чувства вины и страха. Современное общество признает не только изменение ролевых и психологических компонентов гендерной идентичности, вместе с ними индивид получил свободу изменения идентичности сексуальной. Примеры изменения пола или открытое демонстрирование определенных сексуальных предпочтений воспринимаются в современном западном обществе как естественные. Кроме того, индустрия моды развлечений создает отдельным сексуальным группам и сексуальным меньшинствам дополнительные возможности для собственной визуальной и ролевой идентичности.

Массовые изменения традиционной сексуальной идентичности связаны, по мнению многих исследований, с распространением интернета. Интернет-секс стал новой распространенной реальностью человеческого бытия. Согласно проведенному в 2004 г. телефонному опросу 8 опрошенных из 10 сообщили, что никогда не следовали по эротическим ссылкам интернета. Протоколы интернет-программ, сообщают, однако, что 82% мужчин и 18% женщин, пользующихся Интернетом, посещают страницы сексуального содержания регулярно. Широко проведенный в США социологический опрос (1999–2003) показал, что 86% мужчин и 14% женщин хотя бы раз практиковали секс по интернету. Участие женщин в интернет-сексе многие исследователи определяют как феномен, который для сексологов и социологов становится все более интересным и в сексуальном контексте и контексте социальных отношений⁷. Если семья как элемент идентичности продолжает выполнять свои важные, хотя

и модифицированные функции, то гендерный и сексуальный элементы претерпели значительные функциональные изменения.

Во многих случаях идентификация с семьей и этносом усиливают друг друга. «Семейная память» представляет один из способов конструирования опосредованной этнической идентичности, например, через мифологизирование «бабушек», сохранивших ценности и обычаи народа. С помощью осознания своей принадлежности к этносу потерявшие опору в жизни граждане бывшего СССР стремились найти выход из состояния социальной неприкаянности и беспомощности, почувствовать себя частью общности, которая обязательно имеет привлекательные черты⁸. Однако такие стабильные слагаемые индивидуальной и групповой идентичности как национальная и этническая принадлежность, впрочем, как идентичность политическая и государственная в условиях глобализации также поставлены под вопрос.

Появление мультинациональных концернов, деятельность и влияние которых все больше утверждаются за рамками национально-государственных границ, содействует становлению стандартизированной культуры, построенной на смешении эффектных, но поверхностных элементов национальных культур. Речь все чаще идет о формировании глобального этноса, не исключающем возможность уравнивания и деперсонализации национальных культур. По мнению А. И. Шендрика, потеря культурного разнообразия — очевидность и драма, которую сегодня переживают национальные культуры. С другой стороны, глобализация способствует формированию представления о взаимосвязанном мире, где существование различных народов и культур возможно только тогда, когда они в качестве императива принимают принцип культурного плюрализма⁹.

Конечно, когда мы видим на экране китайского юношу с крашеными волосами и прической «ирокез» или американского яппи, ловко пользующегося палочками во время ланча, это было бы слишком смело называть «взаимопроникновением культурных стан-

дартов». По поверхности повседневности происходит эпидемическая миграция мелких стилей, «поведенческих стандартов», взятых в своей внешней стороне, без особого культурного бэуграундера. Более того, происходит абсорбция — и опять-таки в ярких и примитивных знаках разнообразных сообществ для превращения их в моду, для включения в пространство глобальной потребительской стратегии. Попросту говоря: то, что мы учимся есть палочками, не приближает нас к пониманию конфуцианства и его культурных стандартов. Китайские, японские палочки у нас в руках — просто следствие конъюнктурной стратегии сетей фаст-фуда¹⁰.

Формирование транснациональных пространств и переосмысление роли национального государства не являются неизбежным фактором отмирания национальной идентичности и угасания локальных культур. С одной стороны, под вопрос поставлено само существование национального государства, с другой — в западных странах меняется содержание национального самосознания. Согласно опубликованному Институтом Европы РАН докладу, преобладающая сейчас схема «государство-нация» превратится в схему «государство — много наций». Традиционная государствообразующая нация будет сдавать свои позиции, и, в конце-концов под вопрос будет поставлен сам ее суверенитет¹¹. На фоне поликультурности и многополярности мира интерес личности, включенной в процессы глобализации, становится даже более обращенным к вопросам локальной культуры и локальных особенностей, чем у личности, живущей в ограниченном культурном и информационном пространстве. Вместе с тем глобализация предполагает существование правил и обязательств, предусматривающих подчинение им суверенных государств. По мере глобализации рынков и культуры нелиберальная теория, объясняющая глобализацию, предполагает увядание суверенности отдельных государств, формирование нового типа «гражданина мира», чья лояльность обращена уже не к отдельным правительст-

вам, а к негосударственным структурам¹². Однако эта ситуация не нова в истории. Великим глобализатором в Европе в свое время являлась католическая церковь. Смешение национальных культур и рождение новой национальной идентичности присуще Соединенным Штатам. Национальная политика Советского государства, хотя и провозглашала развитие национальных культур, была направлена на формирование внерасового, вненационального советского человека. Вопрос о том, какую роль государственные образования, этнические и национальные культуры будут играть в глобализованном мире, продолжает оставаться в центре научных и политических дискуссий. Уже факт проведения таких дискуссий показывает, что национальная, этническая, как и государственная идентичность, в современном мире не остаются незываемым стержнем идентичности человека. Данные идентичности могут использоваться и используются в процессе самоидентификации, однако их индивидуальная и социальная значимость находятся в процессе трансформации. Согласно Э. Эрикссону, «только тот, кто знает куда идет и кто идет вместе с ним, являет собой безошибочно узнаваемое, если не всегда легко определяемое светлое единство внешнего образа и внутреннего содержания». И все же тогда, когда человек, как ему кажется, нашел себя, о нем можно сказать, что он теряет себя в новых целях и во взаимодействии с другими: он преодолевает рамки осознания идентичности»¹³.

В традиционном обществе особую роль в идентификации человека играла церковь и религия. В современном обществе не только политическая, но и социокультурная роль церкви перманентно сокращается, она все реже выступает в качестве легитимирующей инстанции социальных образований и отношений между ними. Кроме того, практически любая религия, как и каждое локальное верование, должна сегодня соответствовать глобальным человеческим ценностям, являющимся уже внерелигиозными и вненациональными. Если религиозные ценности всту-

пают в противоречие с ценностями общечеловеческими, религиозное течение не признается мировой общественностью (в итоге и частью своих участников), оно вынуждено изменяться и адаптироваться. Это, в некотором смысле, релятивизирует самобытность религии, ее претензии на абсолютность провозглашаемых ею учений и находится в противоречии, в признании полипарадигмальности общества. Наряду с тематикой глобализации политической, экономической, культурной жизни сегодня обоснованно можно говорить и о глобализации жизни религиозной.

Представленные кризисы идентичностей, хотя и рассматриваются как глобальные, касаются в первую очередь западной культуры. Соответственно развивающиеся тенденции кризиса религиозной идентичности относятся в первую очередь к западной церкви. В этом контексте уместно обратиться к заявлениям руководителей западных конфессий, особенно католической церкви. Профессор Й. Ратцингер, ныне Папа Бенедикт XVI, отмечает, что личность Христа сегодня все больше рассматривается исторически, в ней все меньше остается божественного и религиозного. Историков волнует каким был Христос как человек, и как можно было бы материалистически объяснить описанные в Евангелиях его чудеса и деяния. Человек стоит, таким образом, перед вопросом верить ли в силу Христа как бога, или понимать его как исторически существовавшего пророка¹⁴. Предыдущий Папа Иоанн Павел II в книге «Воспоминания и идентичность» пишет: «В XX веке многое сделано для того, чтобы отвернуть человека от веры. В конце века и тысячелетия разрушительные силы сделали меньшее, но и они не оставили опустошение. Речь идет об опустошении совести с драматическими последствиями как в личной, так и в семейной морали и социальной этике. Европу на пороге тысячелетий можно определить как континент опустошения»¹⁵.

На фоне того, что детерминирующая роль религии в жизнедеятельности западного об-

щества перманентно ослабевает, было бы преждевременно говорить об утрате личной религиозности человека. Отказываясь от религиозного миропонимания в рамках глобальных религий, современный человек заменяет его индивидуально возвращенной верой, с одной стороны, в мировой космос, парапсихологию, и пр.; с другой стороны, — связывает свой успех не с богом, а силой моды, атрибутами бреда или компании. Право церкви на абсолютность провозглашаемых ею учений заменяется правом индивида на собственное религиозное видение и, в конечном итоге, на свою собственную религию. Папа Бенедикт XVI пишет: «Центральная часть жизни сегодня — в экономических и технических инновациях. Там играет мир развлечений — создается язык, формируется поведение. Это, так сказать, центральная часть человеческой экзистенции. Религия при этом не исчезла, но все больше переходит в область субъективного. Вера становится одной из субъективных форм религий или занимает определенное место в качестве фактора культуры»¹⁶.

Развитие современного общества ставит под вопрос и константность профессиональной идентичности. В традиционном обществе различалось немного групп, специализирующихся на каком-то особом виде деятельности, как земледельцы, кузнецы, знахари и др. Сегодня существуют сотни специализированных видов деятельности, каждая из которых подлежит дальнейшему дифференцированию. Так существует не просто учитель, а учитель по определенному предмету, не просто врач, а врач по определенной специальности, не просто инженер, но и инженер-строитель, или инженер-электронщик. Линию примеров можно продолжить намного дальше. В средневековье ученик получал образование и воспитание в процессе службы у определенного мастера. Время освоения профессии или продвижения по карьерной лестнице оставалось продолжительным. Не каждый подмастерье смог в течение жизни продвинуться до ступени мастера. С одной стороны, продвижение по карьерной лест-

нице было относительно медленным, а с другой — сама лестница была достаточно короткой. С развитием общества путь к профессии сокращается, скорость карьерного роста возрастает, а профессиональная дифференциация увеличивается. Еще одно-два поколения назад человек получал профессию раз и навсегда; приветствовались производственные династии, а полученное образование гарантировало профессиональную занятость. За последние десятилетия отдельные профессии буквально вымерли, а некоторые продолжают вымирать. Вместе с тем, человеку приходится осваивать новые не существовавшие ранее профессии, существование которых в будущем никто гарантировать не может. Получается, что еще одна форма идентичности — профессиональная идентичность сегодня является все менее константной и все менее может гарантировать человеку осознание своей комплексной Я-идентичности посредством некогда приобретенных профессиональных знаний.

В современной научной литературе встречаются мнения, указывающие, что кризисы профессиональной идентичности опасны, они производят профессиональных маргиналов, отвергающих или негативно оценивающих свою прежнюю профессиональную идентичность. Однако для современного западного, а также и российского общества опасность профессиональной маргинализации теряет актуальность. Смена профессии, переобучение, даже смена рода профессиональной деятельности становятся в настоящее время рядовым и общепринятым явлением. В парадигме общества знаний речь идет о пожизненно продолжающемся обучении. Согласно С. И. Плаксию, в условиях быстрой смены ситуации в экономике и эластичности спроса на работников с все большим креном компетенции и способностью постоянно переучиваться, все большее значение будет играть способный разбираться в усложняющихся профессиональных ситуациях, своевременно реагировать на изменения, мыслить широко и нестандартно, постоянно обновлять свои знания¹⁷. Профессиональ-

ные знания могут влиять на формирование идентичности индивида, но сами по себе эти знания более не являются константными, и не обеспечивают константности профессиональной идентичности.

Константность профессиональной идентичности поставлена под вопрос не только вымиранием отдельных профессий и появлением новых, но и требованием к перманентной переквалификации и ускоряющимся обновлением профессиональных знаний. Потеря профессиональной идентичности в современном мире для многих обусловлена потерей рабочего места. Возрастающая безработица в странах Западной Европы и США создает новую категорию — категорию долговременных безработных. Речь идет о людях остающихся без работы на протяжении более пяти лет, их шансы получить рабочее место со временем все больше сокращаются. Безработица не является новым явлением для западного общества, однако в современных условиях производства безработица обретает новое качество. По мнению многих специалистов, возврат к полной занятости в Европе и США уже невозможен. Государствам проще годами выплачивать пособие по безработице, чем создавать новые рабочие места. Усовершенствование производства и перенос рабочих мест в страны с более дешевой рабочей силой будут в будущем усиливать данную тенденцию. Для части населения профессиональная идентичность заменяется идентичностью безработного. Возможно, обществу придется предпринять определенные действия, чтобы сделать такую идентичность более признаваемой, менее асоциальной и менее болезненно осознаваемой самим безработным.

Многочисленные источники сообщают также о переживаемом кризисе культурной идентичности. В данном случае, речь идет об идентичности человека, основывающейся на языке и литературе, искусстве и архитектуре, об обычаях и нравах; другими словами, элементах, обеспечивающих осознание культурной общности и представляющих ее

память. Родной язык все больше наполняется иностранной, чаще английской лексикой; в искусстве теряются традиции; новое поколение изменяет устоявшимся нравам и нормам поведения. Кризис отдельных идентичностей, составляющих идентичность личности, коренным образом меняет структуру данной идентичности. Множественная идентичность состояла в том, что одна и та же личность идентифицировала себя, например, как христианина, отца семейства, мужчину, жителя конкретного населенного пункта. Сегодня идентичности не просто накладываются одна на другую, они могут меняться в течение относительно короткого периода времени. В рабочее время — клерк, по вечерам — байкер, в выходные — отец семейства, сменил православие на католицизм, а католицизм на буддизм, а потом вернулся назад в православие. А. О. Морозов определяет такое развитие как растекание идентичности по горизонтали: «Растекаясь по горизонтали, т. е. пребывая одновременно во многих ячейках социальных сетей, идентичность личности, тем не менее, сохраняется. Возможно, главный момент заключен именно в том, что, хотя «границы допустимого» с точки зрения сохранения целостности личности — значительно расширились, мы являемся свидетелями выработки нового каркаса идентичности»¹⁸.

Существуют самые разные сценарии развития общества в условиях кризиса идентичностей. Вот один из них: «Личность окажется одинокой в семье и в собственной душе, человеком овладеет страх не только перед будущим, но и перед каждой минутой настоящего. Возможно соскальзывание к различного рода системам политического тоталитаризма на основе достижений информационной цивилизации и дальше, назад — к «новому средневековью». При этом подобная участь постигнет не только отсталые страны Востока и Юга или кризисные индустриальные общества типа России, но и самые продвинутые государства Запада и, прежде всего, США»¹⁹. Примеры негативного развития общества и бед человека на

фоне потери его традиционной идентичности регулярно появляются в работах по проблемам индивидуализации, глобализации, идентичности. В принципе, идея аналогичного кризиса прослеживалась уже в работах Н. Бердяева, О. Шпенглера, А. Тойнби. Закономерно формируется вопрос о том, как должно вести себя общество в условиях кризиса традиционных идентичностей, необходимо ли и возможно ли приостановить существующее историческое развитие и вернуться к традиционным ценностям, что противопоставляет и может противопоставить человек кризису идентичностей?

С одной стороны, проблемы идентичности современного человека объясняются его неподготовленностью к уровню индивидуальных свобод, предлагаемых современным западным обществом, и желанием вернуться в старый понятный и защищенный мир. «Не все граждане способны оценить ценности либеральной демократии, к которым относятся основные свободы личности, плюрализм образа жизни и убеждений, взаимная терпимость и готовность к компромиссу, уважение демократического порядка. Как только на горизонте появляется кризис, немало граждан с готовностью оставляют позиции свободы и попадают в руки правых популистских и фундаменталистских движений»²⁰. С другой стороны, последствия кризиса идентичностей представляются весьма преувеличенными. Известный немецкий журналист Х. Рикенс пишет: «Чем старше мы становимся, тем больше доминирует потребность положительной оценки своей жизни. Здесь и спрятан психологический ключ такой правды: раньше все было лучше. Настаивающие на том, что на самом деле сегодня все стало лучше, чем было раньше обесценивают тем самым часть своей жизни. Мы хотели бы вспоминать о прожитом как о чем-то позитивном, потому мы и превозносим мир прошлого. Потому объяснимо, почему потребность превознести мир прошлого становится тем интенсивнее, чем интенсивнее происходят изменения в обществе»²¹. В то же время, вопросы об активной пози-

ции общества по отношению к проблемам глобального изменения общественного сознания в целом, индивидуализации общества и кризисе отдельных традиционных идентичностей, в частности, остаются открытыми как для научного обсуждения, так и для дискуссий с привлечением массовых аудиторий.

Рассуждая о возрастных кризисах психосоциальной идентичности человека, Э. Эриксон писал: «Развитие человека не начинается и не заканчивается идентичностью: сама идентичность для зрелого человека становится относительной», а преодоление границ своей идентичности поможет «по настоящему достичь действенной индивидуальности и одновременно шагнуть за ее пределы»²². Проецируя данное положение на социальную и групповую идентичность отметим, что изменение значения, роли и константности отдельных идентичностей в разных условиях в отношении разных сообществ, групп и индивидов сопровождается и будет сопровождаться разными симптомами, разными реакциями и последствиями разной сложности. Социологи, психологи и философы сходны в одном: человек нуждается в идентичности, и ее кризис, даже если это кризис болезненный, открывает вопрос о поиске новых форм, факторов и условий идентичности. Поэтому наряду с вопросом о кризисе традиционных идентичностей и последствиях этого кризиса для общества целесообразно сформулировать вопрос о новых структурах идентичности личности, новых механизмах, новых идентичностях.

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М., 2006. С. 25.

² Там же.

³ Шендрик А. И. Глобализация в системе культурологических координат // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 60.

⁴ Эриксон Э. Указ. соч. С. 58–59.

⁵ Толстых А. В. Неизвестный классик // Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. М., 2006. С. 18.

⁶ <http://rian.ru/economy/20030123/304636.html>

⁷ Doring, N. Per Tastatur zum Orgasmus // Psychologie heute. 2004. № 6. S. 44.

⁸ Стефаненко Н. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М., 2003. С. 24.

⁹ Шендрик А. И. Глобализация в системе культурологических координат. С. 61.

¹⁰ Морозов А. О. Четвертая секуляризация // Глобализация и столкновение идентичностей. Международная интернет-конференция 24 февраля — 14 марта 2003 г.: Сб. материалов / Под ред. А. Журавского, К. Костюка. М., 2003. С. 329.

¹¹ Федоров В. П. Крушение Европы? (один из возможных сценариев будущего). ДИЕ РАН № 167. М., 2005. С. 27.

¹² Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 10

¹³ Эриксон Э. Указ. соч. С. 313–314.

¹⁴ Ratzinger J.-Benedikt XVI. Jesus von Nazareth. Verlag Herder. Freiburg-Basel-Wien, 2007.

¹⁵ Johannes Paul II. Erinnerung und Identität. Gespräch an der Schwelle zwischen den Jahrtausenden. Weltbild Buchverlag, 2005. S. 152.

¹⁶ Ratzinger J.-Benedikt XVI. Salz der Erde. Wilhelm Heyne Verlag, München, 2005. S. 135.

¹⁷ Плаксий С. И. Парадоксы высшего образования. М.: Национальный институт бизнеса, 2005. С. 383.

¹⁸ Морозов А. О. Четвертая секуляризация / Глобализация и столкновение идентичностей. Указ. сб. С. 328–329.

¹⁹ Римский В. Проблемы этнокультурной идентичности личности в контексте глобализационных сценариев // Phenomen.RU. Философский журнал. www.phenomen.ru

²⁰ Беллестрем К. Сколько плюрализма может вынести человек? / Глобализация и столкновение идентичностей. Указ. сб. С. 269.

²¹ Rickens Ch. Die neunten Spie?er. Von der fatalen Sehnsucht nach einer überholten Gesellschaft. Ullstein Buchverlage. Berlin, 2006. S. 218–219.

²² Эриксон Э. Указ. соч. С. 51.